

ЛЕОНИД ЛЕВКОВИЧ

КЛУБ «АПАТИЯ»

РОМАН

Леонид Левкович

Клуб «Апатия». Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42349942

ISBN 9785449665249

Аннотация

Казалось, что я нашел свое место и время в жизни. Время бодрствования сильно сместилось в сторону ночи. Интересы – в сторону сумрачного пространства, далеко отстоящего от обычного мира, того, где люди утром встают, завтракают перед телевизором, по которому показывают новости их большого разнообразного мира, идут на работу, вечером возвращаются домой, заходят по пути в магазины, делают покупки, потом как-то проводят досуг. Господи, каким этот мир мне казался далёким! Почти несуществующим Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

I	5
II	14
III	24
IV	54
V	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Клуб «Апатия»

Роман

Леонид Левкович

Фотограф www.pexels.com, лицензия CC Zero Lukas Rychvalsky,

© Леонид Левкович, 2019

ISBN 978-5-4496-6524-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

На следующий день я получил в ЖЭУ свою дворницкую зарплату и поехал в «Книжную поляну».

Я радовался предстоящей покупке пары новых книг, перспектива снова увидеть продавщицу Олю тайно освещала эту радость. Сознательно я упивался своей любовью к книгам и гордился, что книги без всякого преувеличения для меня важнее колбасы. Временами я почти ощущал себя чистым духом, алчущим красоты и новых вдохновенных образов. Желание увидеть продавщицу Олю во всей её телесности, её голубые, ровно светящиеся глаза, всегда тайно присутствовало во мне. Но это было только желание на время соприкоснуться с её аурой, которая естественным образом сливалась с аурой книг. Вне книг, вне книжного магазина, представить себе продавщицу Олю я не мог. Для меня она была органической пленницей книг и отдельно от книг не существовала; книги проросли в неё, приковали к полкам, видоизменили, наполнили новыми смыслами и особым очарованием.

Я вышел на остановке «Публичная библиотека», вступил на ступени, преодолел две стеклянные двери и вдохнул тот волшебный аромат, каким пахнут свеженапечатанные книжки; дополнительно в нем присутствовала нотка амбры.

Продавщицы Оли в этот раз я не увидел – была не её сме-

на. Больше никто из людей в этом магазине меня не интересовал, и я с головой погрузился в книги. Выбрав «Женщину в песках» Кобо Абэ и «Волхва» Фаулза, я расплатился и вышел на улицу. Было тепло, начинался вечер, несколько остановок я прошел пешком.

В душе я ощущал какую-то непонятную пустоту; мой упадок настроения можно было бы назвать разочарованием, если б я знал, в чём именно я разочаровался.

В последнее время мне не трудно было думать о жизни в целом, охватывая мысленным взором весь город со всеми его жителями, а, следовательно, все остальные города, мало чем от него отличающиеся. О своих частных мелко-бытовых делах мне было думать нечего, так как я всё уже, что было возможным, о них передумал, и я часто теперь предавался обобщенным размышлениям. Мой упадок духа сказался на подобных размышлениях поразительным образом.

Я вдруг ясно увидел, насколько скучна, пуста и убога жизнь большинства людей, проживающих в этом городе. Начиналось всё с внешнего вида: люди шли мне навстречу, богатые и бедные, и я отметил, как удручающе однообразно они все одеты. Серо, неинтересно, однотипно. С натяжкой можно сказать, что все они выглядят одинаково, почти как солдаты одного рода войск. Дорогая одежда ничего не меняет: все те же кожаные куртки с ограниченным рядом модификаций, брюки, юбки, туфли, шапки, сумочки – мелкие декоративные детали меняются, форма меняется, но не сильно,

спектр цветов узок – редко увидишь что-нибудь яркое, кричащее – все в целом остается одинаковым. У бедных и того хуже.

Я подумал, что граждане не придают особого значения своему внешнему виду; мало для кого важен стиль, индивидуальность – что было в магазине, то и купили. Магазинов полно, но во всех практически один и тот же ряд моделей – то, что привезли из Турции, Польши, Китая, то, что быстро разбирают. В дорогих магазинах, бутиках, продается одежда подозрительно фасоном похожая на то, что продается везде. Изготовители ширпотреба ориентируются на то, что модно в бутиках.

Конечно, вблизи сразу видно качество и что где куплено, но в целом общий образ сохраняется: что там, что там – образ современного человека; в бутиках ведь не продают цилиндры и сюртуки, а все те же кожаные пиджаки и брюки, что и везде, только на порядок дороже. Наметанный глаз, понятно, сразу различает разницу в цене, респектабельность, безупречность.

Вот пример: прошел мужчина в дорогих туфлях, сшитых по индивидуальному заказу, – да, видно, туфли хороши, не дешевые, но мало кто сразу скажет, что это единичный экземпляр – всё те же туфли – туфли и туфли, что о них скажешь?

Фантазия людей в одежде ограничена, как и во всем остальном. Я всегда стараюсь говорить о большинстве. Оно,

это большинство, занято главными вещами – материальными составляющими жизни – остальное всё вторично. Главное: работа, налаженный быт, деньги, еда, материальный комфорт – некогда задумываться о тонких духовных вещах, о каких-то эфемерных образах, в которых якобы живешь. Человеку сначала важна стоимость автомобиля, его качество, расход топлива, а уже потом цвет и общий стиль. Ремонт в квартире, интерьер, обычный человек не имеет каких-то особых эстетических запросов, соответствующих тонкому ощущению им своей индивидуальности, – он в такие глубины не заходил, и у него ничего не сформировалось, кроме усредненного, подпитанного явной и скрытой рекламой в телевизоре и журналах, представления о том, что такое комфорт и красота интерьера. Мягкий итальянский уголок – вот, что хорошо (и действительно хорошо, удобно, красиво), а какому он стилю соответствует и сходится ли этот стиль с самоощущением человека – не столь важно. Друзья, знакомые, приобрели такой же, очень хороший, а мы приобретем лучше, цвета, разумеется, другого и с обивкой подороже. Но в общем это всё те же диваны и кресла – небольшой ряд с включениями современных моделей.

У обывателя, пусть это будет представитель среднего класса, – хорошая машина, квартира, мебель, много других вещей, которые хороши, но не удивительны, и они ничего не могут сказать о своем владельце, дипломированном специалисте средних лет, делающем карьеру в успешной кор-

порации, женатом, с одним (редко двумя) ребенком, кроме того, что сказано. Трудно ожидать, что его квартира будет оформлена в мрачном стиле средневековья, и на работу он будет ездить одетым не в обезличивающий костюм, а в бархатный камзол... и голова его будет занята не штампами современности, а какими-нибудь потрясающими алхимическими представлениями о мире.

Всё скучным и однотипным показалось мне в этом городе. Я готов был взвыть от тоски, от сознания всеобщей типизации и унификации. Все одинаковы, как денежные купюры, – одни, правда, новенькие и хрустящие, другие – потасканные и надорванные, и по номиналу, конечно, отличаются: 1000-че рублевая купюра это вам не полтинник, но в общем всё одно и то же.

Потом я подумал, что вся эта серость, скука и однотипность касаются только большинства, той массы, для которой делаются программы в телевизоре. По периферии этого большинства, если фигурально выразиться, имеются не явные кружки, мелкие или большие, в которых люди мыслят, живут, а иногда и одеваются своеобразно. Какие это могут быть кружки? В голову сразу же полезли различные клубы по интересам, секции дельтапланеристов, кружки любителей подводного плавания и хорового пения, любители пива, любительские театры, походники, альпинисты, горнолыжники, водные туристы, парашютисты, книголюбы, любители пати в ночных клубах и прочее, и прочее, всё, чем увлекается

все та же средняя масса на досуге. Но все это для них, если не вторично по отношению к главному, всё той же работе, квартире, налаженному и сделанному как у всех быту, то существует параллельно и без первого существовать не может. Высокооплачиваемый компьютерщик очень увлечен дельтапланеризмом, без полетов он не мыслит своей жизни, впрочем, жить без них сможет. Он рад бы отдаться любимому делу полностью, но – работа, семья, карьера, и он вполне успешно совмещает и то, и другое. То, что для души и то, без чего нельзя (карьера, дом, семья), но для чего? Компьютерщик ответит: хотя бы для того, чтоб имелись деньги на любимое дело. Жить всё время в палатке под горой, с которой взлетаешь на дельтаплане, очевидно, невозможно.

Я отверг мысленно все эти кружки, которыми очень легко подменить реализацию той жизни, особенной и отдельной, о которой человек смутно догадывается в неопределенных мечтах и редких томных снах. Ведь даже у среднего человека порой возникает желание освободиться от своей обыкновенной кем-то или чем-то предложенной ему схемы жизни. Все эти кружки мне не подходят – они хитроумная подмена, компенсация.

Мне вспомнилось (я где-то читал или слышал), что под Самарой или другим каким-то городом в чистом поле стали вырастать лачуги. В этих лачугах стали жить, нет, не бомжи, а вполне нормальные, имевшие в прошлом налаженный быт, цивилизованные горожане. Они бросили свою цивили-

зованную жизнь и удалились на природу, чтобы жить примитивно вне цивилизации. Стали строить лачуги, копать землянки и в них жить. Сажали картошку, тратили сбережения и деньги от проданных квартир и тем питались. Обрастали волосами и соединялись с природой. Ни электричества, ни радио, ничего, никаких благ цивилизации не было, от всего отказались. Целыми семьями приезжали в это поле – в конце концов, там выросло небольшое поселение. Всех этих странных людей объединяла одна идея, которая была записана в какой-то книжке об отказе от цивилизации и возвращении к примитивному существованию на лоне природы. Данная книжка стала библией для всех этих беженцев. Вот неплохой пример иной жизни.

Правда, я сам не стал бы, конечно, никуда уезжать в поле... там, наверно, холодно и неудобно... это уж совсем экстремальный способ обретения самого себя. Можно и в городе в своих квартирах и на своих улицах жить по-своему.

В этот момент я увидел двух девушек-панков. Они выделялись из толпы безусловно. Взбитые розово-зелёные копны волос, густо обведенные черными тенями глаза, пирсинг в бровях и губах, на одной девушке – проклепанная косуха, на другой – укороченная солдатская шинель... девушки исподлобья недоверчиво и злобно смотрели на окружающий мир и куда-то шли. Одна девушка зыркнула на меня, и в глубине её глаз я увидел затаенный смех.

Я приехал домой, вошел в квартиру, уселся на старый

диван. Мысли о серости и убогости жизни большинства не оставляли меня. Я подумал об «Апатии», о Ларисе, о Леонардо, об Агате. На Агате мысли мои задержались – мне нравилась эта девушка и даже больше того – своим присутствием, разговорами, самим своим существованием в одном со мной городе она делала меня свободнее. Мне как будто становилось просторнее дышать, когда я думал об Агате.

Два года назад Агата потеряла своего возлюбленного, вампира по имени Пашка. Они были вместе в общей сложности около пяти лет. Агата знала, что он является вампиром. Два года назад Пашка погиб при загадочных обстоятельствах. Но, по словам Агаты, погиб он не совсем, не окончательно, а только как человек. Теперь он – существо мёртвое и бессмертное, всецело вампир. Он продолжает присылать ей сообщения из своего сумеречного мира, но всё реже и реже. Между тем Агата была на его похоронах, видела его тело в гробу и, безусловно, считает его мертвым, потерянным для мира живых навсегда. Все друзья Агаты воспринимают эту историю без тени улыбки.

Позавчера у меня был еще выбор, сегодня я сам для себя внутренне решил, что «Апатия» – это именно то место, где собираются люди, их не так много, живущие в каком-то своем странно-очаровательном замкнутом мире... то, что они отделились от всего остального мира, сделало их свободными, и я такой же, как они.

С особенностями мировоззрения посетителей «Апатии»

мне еще предстояло познакомиться.

II

Пока я сидел на диване и размышлял, за окном стемнело. Я встал, включил верхний свет, прошел на кухню и там тоже включил свет. Наполнил чайник, поставил на плиту и зажег огонь. Прошел в прихожую к холодильнику, открыл его, дверца скрипнула, достал кусок докторской колбасы, банку концентрированного молока, брикет сливочного масла и принес все это на кухню. Ополоснул кружку и поместил в неё пакетик чая на ниточке с ярлычком. Ярлычок свесился за край кружки. Тут же на столе лежали три пакета лапши быстрого приготовления: один со вкусом бекона, два других со вкусом курицы. Я взял тот, который со вкусом бекона, разорвал и положил брикет сухой лапши в глубокую тарелку. Выдавил на лапшу растительное масло из одного небольшого пакетика, посыпал специями и солью из другого. Залив все это кипятком, я закрыл тарелку блюдцем и оставил запариваться. Пакетик чая в кружке, когда я туда налил кипятка, вздулся и всплыл, потом утонул. За окном темнела синева, окна многоэтажки вспыхивали золотом, слышались какие-то вскрики.

Мне очень не хватало в последние дни квашеной капусты. Я её не покупал, а привозил из деревни от родителей. Родители заквашивали её осенью в большой эмалированной кастрюле и оставляли на веранде. Ничего особенного – обыч-

ная квашеная капуста с морковью и без лишних приправ. Однако я всегда любил её, а в последнюю зиму я пристрастился к ней настолько, что даже пару раз видел её во сне. Жажду по капусте я обнаружил еще в сентябре, именно тогда она впервые мне приснилась – деталей сна не помню, помню только, что с удовольствием хрустел квашеной капустой вприкуску с какими-то другими блюдами.

Когда кастрюля была заквашена, я увез в город сразу полтора литра в полиэтиленовом мешочке и еще трехлитровую банку другой капусты, не из кастрюли – она была немного другого вкуса, сладковатая, но тоже ничего. Каждый свой прием пищи, что бы я ни ел, ко всему я добавлял капусту. Часто я делал из неё салат: шинковал репчатый лук, добавлял в капусту и заправлял всё растительным маслом, только обязательно нерафинированным, ароматным. Такой простейший салат мог служить самостоятельным блюдом, я уплетал его с большим количеством хлеба (лучше белого) целыми тарелками и запивал чаем. Каждый раз, когда я ездил в деревню к родителям, я привозил от них запас квашеной капусты. И, странно, она мне не надоедала – без неё, как без хлеба, я уже не мог есть все остальные блюда. Домой я ездил последний раз месяц назад, и запас капусты уже неделю как кончился. Я где-то слышал, что в квашеной капусте содержится больше витамина «с», чем даже в бруснике. А молочнокислые бактерии, содержащиеся в ней, способствуют пищеварению и поддержанию здорового бактериаль-

ного баланса организма, что укрепляет иммунную систему. И это хорошо. Данный продукт не только вкусен, но и полезен. А китайцы открыли, что если есть квашеную капусту каждый день, то это неплохая профилактика птичьего гриппа. Сначала они вообще-то открыли это для какого-то своего острого китайского блюда из моркови и капусты, а потом экстраполировали и на вообще любую квашеную капусту.

Домой, то есть к родителям в деревню, я решил съездить через неделю, а пока возместить недостаток капусты в организме обыкновенным кефиром.

Пужинав лапшой, колбасой, чаем, я покурил – курил я на кухне, открыв форточку, – и вышел из квартиры в коридор, мне надо было сходить в туалет. В коридоре было темно, видимо, лампочка опять перегорела.

Когда я вышел из туалета, справа по коридору я заметил какой-то желтый колыхающийся свет и остановился заинтересованный. Медленно из-за поворота выплыла (она всегда ходила очень плавно и осторожно) Старая Мышь со свечой в руке. Свеча была установлена в чайную чашку. Желтый свет от огонька освещал верхнюю часть женщины, серую шаль на узких плечах, туго стянутую на впалой груди, небольшую головку с прилизанными пепельно-седыми волосами, собранными в тонкую, как крысиный хвост, косу на затылке, отблески огонька сверкали в стеклах старомодных очков. Старая Мышь медленно, заморожено плыла по направлению ко мне. Я никогда еще за все время прожи-

вания в этом доме близко не сталкивался со Старой Мышью и, честно говоря, не желал сталкиваться. Эта пятидесятилетняя маленькая женщина, одинокая и до ненормальности тихая, представлялась мне серой печальной тенью, иногда показывающейся в коридоре и тут же исчезающей за толстой дверью своей квартирки. Странно сказать, но я даже голоса её никогда не слышал. Всё, что я знал о ней, было рассказано Мусей Владимировной (моей квартирной хозяйкой) в трех словах: уже давно живет в этом доме и работает на почте, крайне одинока, раньше была молодой, – Муся Владимировна помнит это, – но не слишком изменилась, постарев. Жила с матерью, пока та не умерла 15 лет назад.

Какая-то тайна, возможно, даже роковая, скрывалась в судьбе этой старой женщины, похожей на тень. Старой женщины – не совсем точно, вернее будет сказать: состарившейся девушки. Как это печально звучит! – состарившаяся девушка.

Огонек свечи в её руках колыбался слабо. Она уже достаточно приблизилась ко мне, чтобы осветить меня. Я отвернулся и собрался, как говорится, идти до своей хаты и тут услышал её слабый голос:

– Пойдите, Никита.

Надо же! Она знает, как меня зовут.

Я обернулся. Она подошла, маленькая, тщедушная. Запахом пережаренного кофе повеяло от неё. Впервые я рассматривал её вблизи: мелкие черты лица, острый носик, тонкие

бледные губы, от которых лучиками расходятся морщинки, серые усики над верхней губой, чистый, несколько большеватый лоб, плавно переходящий в общую округлость головы, доверчивые, по-моему, светло-серые глаза за стеклами очков – какие-то наивные, испуганные, без ресниц. Я был прав, когда назвал её состарившейся девушкой. В молодости она не то, что не была симпатичной – она не была яркой, способной привлечь к себе внимание. Блеклость внешности усиливалась блеклостью поведения. Мужчинам она всегда казалась чересчур тщедушной, слабой, трусливой, бесхарактерной, короче, никакой. Она была молью или мышью. И её голос, тихий до болезненности, выдавал всю её застенчивость. Даже сейчас, старше меня на 25 лет, она робела передо мной, как перед большим влиятельным человеком, хотя я всего-навсего дворник.

– Вы... вы... не поможете мне? – спросила она.

«Чем же я могу помочь тебе, грустная девушка? – подумал я. – И не поздно ли теперь искать помощи? Двадцать лет назад еще можно было попытаться что-то сделать. Но сейчас... боюсь, что слишком поздно». Мысли были какие-то не мои – на самом деле, всерьез, конечно, я так не думал – наверное, это я так сам про себя мысленно шутил.

– А что нужно делать? – участливо склонив голову набок, спросил я.

– Нет... если вы торопитесь, то я сама... тут не долго... Вы извините меня. Я, наверное, отвлекаю.

– А что надо делать? – повторил я и улыбнулся.

Я смотрел в её очки, в её неадекватно растерянные глаза, и тут мне показалось, что она словно бы находится в каком-то бреде, ум её укутан туманом, она больна, и вообще скоро у неё начнётся лихорадка. Я не почувствовал жалости. Даже при виде нищих, калек, сирых и убогих во мне почему-то не возникает чувства жалости к ним, а только осознание жестокости этого мира. Жалость я испытываю, например, когда вижу, как сильный взрослый человек, женщина или мужчина, работающий, имеющий семью, бьющийся об эту жизнь и за эту жизнь, вдруг по какой-то причине ломается, и в этот миг видно, как он беззащитен, насколько устал. Минуты слабости сильного человека и отчаяния веселого человека – непереносимое зрелище.

Старая Мышь помялась, помялась и выдала:

– Вы не могли бы поменять лампочку?

– Где? У вас в квартире?

– Нет, что вы. Здесь в коридоре, глядите, как темно.

Небольшим движением руки она указала мне на окружающую темноту и тут же, чего-то испугавшись, добавила:

– Лампочка у меня есть... только она в квартире. Но я сейчас принесу.

Она робко снизу вверх смотрела на меня, я – на неё. Она искала в моем лице согласия на помощь, но просительности и какой-то проникновенной жалостливой доверчивости в её глазах было несоизмеримо больше, чем нужно. Меня это

озадачивало. Неужели она хотела от меня чего-то большего, чем просто поменять лампочку? Или лампочка – это только повод?

Да она вела себя неадекватно, может, просто редко общается с людьми, и поэтому все её эмоции даже при простейших контактах сильно увеличиваются.

– Принесите, – сказал я.

Она попятилась, попятилась, все еще смотря на меня, будто не веря, что я согласился, и плавно удалилась. Все погрузилось во тьму.

«Бред какой-то», – подумалось мне.

Когда я поменял лампочку и спустился с табурета, Старая Мышь щелкнула выключателем, тусклый желтый свет равномерно осветил весь наш убогий коридор, обшарпанный пол, болотно-зеленые стены, хлам в углах. Со свечой было гораздо лучше. И сама Старая Мышь при свете свечи выглядела как-то необыкновенно, таинственно, что ли. Сейчас она снова стала полинявшим, тоскливым, престарелым существом.

– Спасибо вам, Никита, – опять с какой-то преувеличенной интонацией сказала она, как будто я не лампочку поменял, а как минимум спас её от смерти.

– Пожалуйста, – ответил я как можно проще, стараясь своим простецким тоном сгладить её преувеличенность.

Она улыбнулась, и вдруг – я уверен, что она сама не ожидала этого от себя – выпалила:

– Заходите в гости, чай пить!

И слегка покраснела.

– А вас как зовут? – по-простецки спросил я.

– Софья... Софья Сергеевна, – ответила она и задорно, по крайней мере у неё это можно было назвать задорным, улыбнулась.

Так я познакомился со Старой Мышью.

Чуть позже от Муси Владимировны я узнал следующее: Старая Мышь, то есть Софья Сергеевна, по природе своей весьма недоверчивый человек – в доме она практически ни с кем не общается и никого не приглашает в гости. Она вежливо всех держит на расстоянии, и даже Мусю Владимировну. За такое поведение её могли бы счесть гордячкой, но она всегда выглядит настолько робко и стеснительно, что о гордости мыслей не возникает. Муся Владимировна намекнула на какую-то катастрофу личной жизни, произошедшую с Софьей Сергеевной в молодости, возможно повлиявшую на всю её последующую жизнь.

«Видно ты ей приглянулся», – заметила Муся Владимировна.

«В каком смысле?» – не понял я.

«Ну тебе она доверяет, раз на чай пригласила. Однако я бы не стала связываться с ней... Несчастливая она какая-то».

«Может, просто из вежливости пригласила. Я ведь помог ей лампочку поменять».

«Вообще-то, это твоя прямая обязанность, как дворника, – лампочки менять», – сказала Муся Владимировна и за-

тянулась папиросой.

Мусе Владимировне – 80 лет; во всяком случае, не меньше. У неё вставные челюсти, острый нос, острые глаза; на одно ухо она почти не слышит, зато вторым слышит всё, что происходит в доме. Она уже много лет живёт одна, носит чепцы и капот, курит папиросы. Я по знакомству снимаю у неё квартиру за сущие копейки; квартиру под номером шесть, известную как квартира с привидениями, в доме №37 по улице Южный Бульвар. Привела меня в этот дом Лариса. А уже потом я устроился здесь дворником. Весь дом этот называется домом с привидениями.

Довоенной (если не дореволюционной) постройки двухэтажное здание, выкрашенное поверх штукатурки бледно-розовой краской, прячется среди буйно разросшихся ив и кленов. Деревья и кустарники плотно обступают дом со всех сторон, сзади располагается тенистый двор со старыми скамейками и изломанными качелями, а спереди – запущенный сквер. Дом вечно находится в тени.

На стенах дома имеются барельефы, изображающие серп и молот в обрамлении колосащегося венка. Следовательно, здание построено после революции. Хотя кто его знает? Могло быть и так, что построили-то до революции, и принадлежало оно некоему князю или графу, владельцу доходных домов. Потом графа выгнали, а здание отремонтировали, на барельефах обнаженную девушку, льющую из кувшина воду, или пухлого амура со стрелами и луком, замени-

ли серпом с молотом, и всё покрасили в розовый цвет. Потом перед Великой Отечественной войной еще раз покрасили – в грязно-желтый. И после войны в 50-х годах опять покрасили в ярко-розовый, который к нашему времени стал бледно-розовым. Барельефы никто не менял – серп и молот на них так и остались, как остались дорические колонны перед входом, высокие окна, а в комнатах – потолки со скругленными углами.

В доме раньше находились коммунальные квартиры. Они и сейчас с учетом некоей перепланировки здесь остаются. Правда, вот, прежней шумной веселой с сушением белья на общей кухне, готовкой, ссорами и бранью, жизни больше не наблюдается. Здесь, вообще, кажется, больше никакой жизни не наблюдается.

III

Восемнадцатого апреля у меня день рождения. Еще за два месяца до него я знал, что не буду его праздновать, как и прошлый день рождения.

Наступил этот день, выпало на четверг. Утром я вышел на двор с метлой и лопатой, немного подмел. Прохладный воздух был свеж. Весна в этот день обещала достичь пика своего весеннего очарования – прозрачно-голубого, пахнущего голой землей и щепками. Настроение было прекрасное. Никто не знал, что у меня день рождения, за исключением родителей и сестры, которые поздравят позже и что-нибудь подарят мелкое и необходимое, никто не должен был ко мне прийти, да и я никому не обещал встретиться. Мне исполнилось 26 лет.

Двадцать шесть лет – много это или мало? У меня было в запасе еще четыре года до 30-ти. Жизнь до тридцати лет я еще вполне отчетливо мог себе представить – я просто мог плыть по течению эти оставшиеся четыре года. А потом... Тридцать лет – это рубеж, за которым – туман, неизвестно что. По крайней мере, сейчас к своим тридцати годам я абсолютно не был готов.

Около шести вечера Муся Владимировна позвала меня к телефону, звонила Лариса – она предложила мне сейчас же прийти в кафе «Башня», что недалеко от Алого поля. «За-

чем?» – спросил я. «Водку пить», – ответила Лариса.

Я сходил в душ, побрился, надел джинсы, джемпер и курточку и вышел на улицу. Воздух охладил еще влажные волосы на голове.

Я старался не воображать, что меня ждет в «Башне», только раз от разу повторял про себя фразу «водку пить», которая стала простым бессмысленным сочетанием звуков.

К половине восьмого я был в «Башне». Там за дубовым столиком в углу возле стрельчатого разноцветного окна на мягких стульях с высокими спинками сидели Лариса, Агата, Альмира и Леонардо. На столе стояли какие-то напитки и закуски. Я подошел к ним, снял курточку и повесил на чугунную вешалку, стоящую неподалеку. Агата встала, освобождая место между мной и Альмирой, взяла стул от соседнего пустующего стола и поставила его в освобожденный проем, предлагая мне сесть. На голове Агаты была чудная прическа в виде вороньего гнезда, а на шее – черный кожаный ошейник с небольшими металлическими нашлепками в виде ромбов. Примерно такой же ошейник был на шее Альмиры, только вместо ромбиков были небольшие острые шипы.

Альмиру я видел впервые: окрашенные в черный цвет её волосы были острижены коротко, глаза густо подведены изумрудной краской – все это на первый взгляд не подходило к её платью из кремово-розового муслина с сетчатыми рукавами, неглубоким декольте, корсажем с утягивающей шну-

ровкой и пышной со многими складками и шелковыми розочками юбкой. Такого наряда в реальной жизни я, по-моему, еще не встречал; но он не сильно удивил меня – в компании с Леонардо девушку в таком платье встретить было не удивительно. Несоответствие короткой прически и ошейника платью сглаживалось высокими черными ботинками на толстой подошве – подол платья как раз доходил до их голенищ.

Леонардо был в простом черном камзоле; длинные его черные волосы спускались свободно. Агата была одета скромно во всё черное и обтягивающее: кофточку с серебристой аппликацией на животе в виде черепа с костями и кожаные брюки, подогнутые над голенищами таких же ботинок, как у Альмиры. В комплекте с вороньим гнездом на голове, черными веками и губами всё выглядело, в общем-то, гармонично. Лариса была одета обыкновенно, как всегда, дорого, скромно и со вкусом. Я – опять в своих джинсах и джемпере почувствовал себя белой вороной. Но потом, когда огляделся – в кафе, кроме нашего, было занято еще два столика – увидел, что посетители здесь обычные, не такие, как в «Апатии». Они, выглядящие, как и я, вполне обыкновенно, издалека с интересом поглядывали на нашу компанию, в особенности на Альмиру и на Леонардо.

Я познакомился с Альмирой и пожал её протянутую для поцелуя руку. Она улыбнулась.

Пили, однако, не водку, как сказала по телефону Лари-

са, а коньяк и вроде бы кампари. Я мимолетно подумал: как в этой компании принято платить по счету? Вскладчину? Или кто сколько может? В кармане куртки у меня имелось пятьсот рублей – не много для такого кафе, но и не мало.

Мне налили полную рюмку коньяка, я поднял её и спросил: «В честь чего праздник?»

– У Агаты сегодня день рождения, – торжественно ответила Альмира и глянула на подругу.

Я замешкался. Начал краснеть отчего-то и спросил, обращаясь к Агате:

– Сегодня? 18-го апреля?

– Да, – просто ответила она, с некоторым смущением заглядывая мне в глаза, словно бы она была виновата в том, что родилась в этот день.

Я сидел между нею слева и Альмирой справа. Наши стулья, плотно сдвинутые, образовывали как бы диванчик.

– А я без подарка, – сказал я.

– Да я и не справляю, это они всё, – она кивнула на Ларису с Леонардо, – я не люблю свои дни рождения, – сказала Агата.

– Значит, тебя не поздравлять? – спросил я.

– Нет. Просто пей, – сказала Агата.

Я приложил рюмку к губам. Прохладный темно-янтарный напиток полился в меня так естественно и хорошо, как даже вода не льется в жару. Вкуса поначалу не ощущалось, лишь чудесный аромат и бодрящая крепкая свежесть, буквально

сразу же наполняющая всё тело силой, спокойствием и теплотой. Я как будто пил некий волшебный эликсир из погребов средневекового монастыря, омолаживающий и дарующий ощущение счастья. Золотистые огни светильников заиграли ярче, уют сделался тактильно ощутимым, улыбки девушек стали проникать в самое сердце. На столе не хватало бордовой розы с тяжелыми крепкими лепестками и острыми шипами, чтобы я мог взять её, поднести к носу и вдохнуть слабый аромат, смешав его с послевкусием коньяка. Агата подала мне лимон на тарелочке, я взглянул в её изумрудные, кошачьи глаза и понял, что почти влюблен в неё. «Сказать или не сказать? Сказать или не сказать?» – вертелось в этот момент в голове. И решил сказать – ведь это, в конце концов, не имеет большого значения.

– У меня тоже сегодня день рождения.

– У тебя? 18-го апреля? Тоже? – вскинула брови Агата.

Лариса и Альмира засмеялись.

– Это небесный знак, – прокомментировал Леонардо.

– Да. И я тоже не люблю праздновать.

Известие о таком совпадении, о том, что я и Агата родились в один день, всех очаровало, а нас самих физически подтолкнуло друг к другу – мы сдвинулись и через каких-то полчаса почти уже сидели в обнимку.

Через час пьяный и красивый Леонардо с романтической интонацией сказал:

– Из вас получился бы прелестный ангел на небесах.

А Альмира предложила нам поцеловаться. Я поцеловал Агату в щечку, и она меня в свою очередь. Мы могли бы поцеловаться и в губы, и нам хотелось этого, и нам никто не мешал, но мы вдруг оба почувствовали, что нужно сохранить нашу общую беззвучную тайну – какие-то новые чувства, мгновенно вспыхнув в нас, перемешивались между собой – мы вдруг стали духовно близки; и это не было даже взаимной влюбленностью или влечением, что-то новое, невиданное захватило нас – мы готовы были заговорить на каком-то странном языке, понятном только нам двоим. Все любовные сценарии остались далеко за пределами вне нас. Мы вдруг вышли за рамки всего предписанного молодым людям. Мы словно бы оказались в красивой неизведанной местности, а город с его электрическими огнями остался позади, и, вот, мы только вдвоем куда-то осторожно идем, в синем сумраке горят огонечки, и нам непонятно, что это такое, таких огней в городе мы еще не видели.

Выпито было много коньяка, сказано много слов, говорили даже о любви и о какой-то вечной невесте, похороненной на Градском кладбище. Альмира ревновала Агату ко мне, потом уселась к Леонардо на колени. Никто нас не поздравлял с днем рождения, ни меня, ни Агату.

В двенадцать бар закрывался. Мы вышли осторожно на улицу в ночь. Прохладный апрельский воздух освежил нас. Покурили, поймали такси, куда втиснулись все впятером, и поехали в «Апатию».

В «Апатии» было мрачно и весело. Леонардо в попытке обнять лег на свой родной столик и поцеловал его. Я был пьян, но держался ровно и с достоинством, говорил мало, но без запинки. Агата намеренно или случайно всегда оказывалась рядом со мной, под боком – она держалась за меня в прямом смысле слова – обхватывала мою руку и прижималась всем телом.

Потом, когда мы еще выпили, Агата упала мне на грудь. Глаза её были на мокром месте. Я, уткнувшись в её волосы, воронье гнездо, вдыхал аромат ромашкового шампуня. Леонардо, зажигая третью свечу на столе – ему всё было мало света, заявил, что сейчас будем пить напиток французских поэтов-декадентов 19-го века – абсент.

Мне очень хотелось попробовать абсента. Я слышал, что это очень крепкий напиток, изготавливаемый с использованием полыни, и что от него возникают поэтические галлюцинации. Лариса и Агата куда-то удалились. Альмира ушла в танцевальную часть зала, встала там, в центре, и начала, медленно кружась, покачиваться – по всей видимости, она танцевала.

Мы вдвоем с Леонардо, сдвинув головы между свечей, ждали, когда нам принесут абсент. В руках у нас были бокалы с остатками коньяка. Между нами произошел странный, как мне показалось, таинственный диалог:

- А ты был там? – заговорщицки спросил Леонардо.
- Где там? – в тон ему ответил я.

– Там.

– Где?

– Ну там, – Леонардо троекратно подмигнул. – Мне кажется, что был.

– Мне тоже кажется. А это где?

– Тебя сразу видно.

– А ты был? – спросил я. Мне чудилось, что я понимаю, о чем идет речь, но не до конца.

– А как ты думаешь?

– Да. Ты не такой, как все. Это тебя выдает.

Леонардо протянул мне длинную узкую ладонь для рукопожатия, я протянул свою, он крепко по-братски пожал её.

– Да. Я был там. И ты тоже, судя по всему, – сказал он.

– Да, – поддакнул я.

– Только в черный дом не ходи. Я серьезно говорю.

– Не пойду, – сказал я, искренне убежденный, что не пойду в черный дом, хотя пока что понятия не имея, что это такое.

– Ну, – Леонардо поднял коньяк, приглашая выпить.

Я поднял свой бокал.

– За Фроддо, – сказал Леонардо. Мы чокнулись и выпили.

Появилась Лариса. Агату она где-то потеряла.

– Пойдем, Никита, поговорить надо, – она отвела меня недалеко от стола.

Леонардо остался в одиночестве созерцать огоньки свечей. Мне подумалось, что, как только мы покинули «Баш-

ню» и позже переступили порог «Апатии», все сделались какими-то загадочными и таинственными, все перемигивались и обменивались секретными знаками. Меня это очень забавляло. Вот и сейчас мне показалось, что Лариса скажет мне что-то такое таинственное. Глаза её в полумраке сверкали.

– Никита, ты сильно пьян? – спросила она.

– Нет. Нормально. Щас абсент еще будем пить, – ответил я.

– Абсент потом попьешь. Тебе Агата нравится?

– В каком смысле? – не понял я.

– В прямом. Нравится? – Лариса ждала от меня честного ответа.

– Да. Она хорошая.

– Она хочет, чтоб ты её проводил до дома.

– Ладно... провожу, – как-то быстро согласился я и сделал движение к столику.

– Нет, Никита... сейчас. Она ждет тебя на выходе. Надевай куртку и иди.

Я замялся. Лариса подала мне куртку, она успела взять её со спинки диванчика, и взглядом почти приказала мне идти.

И я пошел.

На прощание Лариса сказала:

– Ладно, пока. Я позвоню на днях. С днем рождения.

Всё же один человек в этот день поздравил меня с днем рождения. Фактически же началось уже 19-е апреля.

Я медленно заморожено шел к выходу из ночного клуба.

Мне показалось, что я иду уже целую вечность. Через шаг я останавливался, подозревая, что двигаюсь не туда, что заблудился и выход из клуба где-то в другой стороне. Какие-то зеленые и малиновые вспышки высвечивали идущих мне навстречу молодых людей, которые, собственно, на людей-то мало походили. Гребни на головах, цепи, свисающие с проколотых ушей, голые торсы, татуированные лысины и затылки, девушки, перетянутые ремнями, всё это, расступаясь, медленно проплывало мимо меня и как будто дразнило. На многих шеях были ошейники с шипами. Вот проплыло два привидения в длинных колыхающихся полупрозрачных одеждах, а вот на цыпочках прокралась девушка в балетной пачке с шелковыми крыльями мотылька за спиной. Я понял, что это эльф. На шее её тоже имелся ошейник.

Прошло два показавшихся мне очень высокими человека в длинных черных плащах. У одного из них в руках была трость. Какой-то зеленый демон с голым торсом показал мне длинный острый красный язык и тут же исчез.

Я покачнулся. Мне не хотелось покидать этот ночной клуб – веселье, как я понимал, в нем только начиналось; он только начинал, впуская в себя существ, каких никогда не увидишь днем, превращаться в вертеп, где единственно возможно попробовать настоящий абсент. Очень мне хотелось выпить абсента. Я представлял прохладную, почему-то отдающую мятой горечь этого напитка, сразу же с языка перетекающую в мозг, в поэтические галлюцинации 19-го века.

Внезапно я куда-то вышел, и стало светло; малиновые неоновые трубочки со стен ярко освещали охранника в черной форме у входа. Я подождал, пока пройдет группа, по-видимому, вампиров, судя по бледным лицам с черными кругами у глаз, и вышел на улицу.

Свежесть и прохлада почувствовались не сразу. Сначала я увидел Агату, скромно стоящую справа у стеночки, а потом ощутил, как чудесен ночной воздух, как прекрасна сама ночь и вообще жизнь.

Агата ёжилась в своем коротком из тонкой дубленки жакете и со злобой смотрела на меня. Когда я приблизился к ней, мне стало ясно, что она так же пьяна, как и я, если не сильнее. Я, покачиваясь и долго возясь, застегнул молнию на курточке – было всё же прохладно, Агата пристально смотрела на меня. Потом сказала:

– Пошли.

Взяла меня под руку и куда-то повела.

Мы шли темными переулками, иногда выходя под свет фонарей, переходили пустынную дорогу в неположенных местах, шли по тротуару... Наконец я собрался с духом и высказал свое недовольство:

– Почему мы так рано ушли? Даже абсента не выпили.

– Мне нельзя больше пить... Тем более абсент, – старательно выговаривая каждое слово, ответила Агата.

– Почему?

– Напиваюсь пьяной и веду себя неприлично. А потом жа-

лею, хотя ничего и не помню.

– Пьяной? А сейчас ты трезвая? – ухмыльнулся я.

– Относительно. В любом случае трезвее тебя.

Я остановился, отнял у неё руку, закрыл глаза и быстро указательными пальцами обеих рук поочередно попытался прикоснуться к кончику носа.левой рукой промахнулся. Потом попытался быстро пройти по прямой линии несколько шагов, что мне удалось. Агата, издав смешок, повторила мой номер с прикосновением к носу, потом захотела сделать пистолетик, то есть присесть на одной ноге и наверняка бы свалилась, если б я не подскочил к ней и не удержал её. Придерживая её за талию, я спросил:

– А почему вы все ошейники носите? Это атрибут садо-мазо?

– А ты, скорее, садист или мазохист?

– Не то и не другое. Я скорее... анархист.

Мы снова шли по тротуару, огибая мокрые пятна.

– Онанист? – со смешком переспросила она.

– Анархист. Так зачем тебе ошейник?

– От вампиров.

– От вампиров?

– Да. Они же, сволочи, всё норовят в шею впиться. Многие из «Апатии» страдают вампирофобией... вот, и носят ошейники.

– И ты тоже?

– Ну так, иногда. В «Апатии» полно вампиров; правда,

они ненастоящие, но некоторые думают о себе, что настоящие и кусаются. Психи, одним словом. А вампирофобия заразительна, её легко подхватить. Я один раз надела ошейник, так, для красоты. Проходила в нем вечер, потом сняла и почувствовала себя до жути незащищенной. Шея голая, так не по себе стало. Вообще, несколько дней даже спала в ошейнике, потом – ничего, отошла, могу и без него ходить. А некоторые не могут.

– А ты, кроме Пашки, встречала еще настоящих вампиров? – спросил я.

– Нет. С другой стороны не больно-то разберешь – граница размывается – настоящие, ненастоящие... Настоящим вампирам очень легко затеряться среди ненастоящих. А среди последних много таких психов, которые по-настоящему кровь сосут. Не до смерти, правда, но все равно – имплантируют себе клыки и вперед. Ненавижу таких. Зачем их в «Апатию» пускают? Собирались бы где-нибудь отдельно, в другом месте, и кусали друг друга.

– А Леонардо? У него тоже вроде клыки.

– Леонардо... нет, он не кусается. Клыки он носит из этих, как его, эстетических соображений.

Мы пересекли дорогу, прошлись по обочине, потом свернули в темный переулок и вышли в слабо освещенный двор. Здесь имелись качели, песочница, беседка и еще что-то.

– А куда мы идем? – спросил я.

– Прогуливаемся по ночному городу. Сейчас выйдем вон

за тот дом и увидим луну.

Так и произошло, мы обогнули дом и в свободном небе увидели половинку голубой луны. Мы немного постояли.

– Теперь надо немного пройти прямо на луну, а потом направо.

– Ты по луне ориентируешься?

– По звездам.

– Очень романтично.

– А ты романтик?

– Нет.

– А что так?

– Ненавижу романтику. Не знаю, кого больше ненавижу, романтиков или бардов. То есть, я их не ненавижу, а просто... это не мое. Чтобы ненавидеть их, надо ведь уделять им внимание, а мне этого не хочется, – сказал я.

– Ты знаешь, у нас с тобой мысли одинаковые, почти.

Неужели из-за того, что родились в один день?

– А тебе сколько исполнилось?

– Двадцать четыре. А тебе?

– Двадцать шесть.

– Мало, – разочарованно промолвила Агата, – психологически я тебя старше на три, на четыре года.

– Так тебе значит тридцать?

– Нет, мне двадцать четыре. Но идеально мне по возрасту подошел бы мужчина, которому 29—30 лет.

– А по-моему, мы ровесники.

– Я вообще-то не верю во всю эту ахинею. Иногда я думаю, что мне 524 года.

– Неплохо сохранилась.

– Нет, я серьезно. В последнее время у меня ум какой-то стал не по годам. Смотрю, например, на зрелых умных людей, и что-то у меня не возникает уважения к их предполагаемой мудрости и жизненному опыту. Даже на Путина смотрю по телевизору или на профессора какого-нибудь и не считаю нужным трепетать перед их умом и многомудростью. Или Папа Римский... Или даже читаю Достоевского, и порой кажется, что вот, блин, мужик понаписал ерунды... а, говорят, гений. В принципе выходит, что нет никого на земле умнее меня. И не было, начиная с 15-го века. Только Леонардо да Винчи мог быть достойным собеседником для моего ума. Кстати, в каком он веке жил? Ну не важно... Он и сейчас живет.

– Ничего себе тебя вознесло! Тебе корона не жмёт? – с иронией спросил я.

– Нет. Ты не воспринимай буквально. Я говорю, что нет никого умнее меня, и это значит, что я как бы сама для себя критерий всего, я не могу ни перед кем преклоняться. Никогда не встанем на колени, потому что вообще нет у нас колен. Добрые и смелые тюлени. А слушать, конечно, могу. Это значит, что есть только я и Бог, если он есть, но он есть, не может не быть. Там за чертой что-то есть непознаваемое. Раньше мы могли проникать туда и быть там, в божественной неосо-

знаваемой интимности мироздания, а сейчас потеряли эту способность и, вообще, всегда чувствуем себя потерянными. В сущности, я очень одинока, поскольку не могу быть ничьей рабой и ничьей властительницей.

– Ты можешь общаться с себе подобными.

– Например, с тобой?

– Да. Мы ведь родились в один день. Ты веришь в гороскопы?

– Так, ради развлечения. Вот здесь осторожно, ветки. Я обычно здесь с фонариком хожу.

Агата достала из кармана мобильник и стала освещать его экранчиком дорожку. Слабый розовый свет не столько освещал путь, сколько придавал нам уверенности. Луна была закрыта многоэтажками. Мы наклоняли головы, проходя под низко нависшими липкими от сока кленовыми ветками. Когда мы добрались до более-менее освещенной местности, я спросил:

– А ты правда ездила в Шамбалу к Далай-ламе?

– Как тебе сказать... Это было духовное путешествие. Но до самого Далай-ламы я так и не добралась, хотя могла. Испугалась, наверно, – поняла, что еще слишком молода, хочу пожить, как все. Зато я преодолела Священный лес 108-ми искушений Майа и почти дошла до Возчего Малой Алмазной Колесницы.

– А это что такое?

– Чтобы дойти до Далай-ламы IV-го, сначала обязательно

надо пройти лес 108-ми искушений Майа. После чего приходишь к Возчему Малой Алмазной Колесницы, который везет тебя на священную гору Кайлаш к Самваре, Возчему Большой Алмазной Колесницы, запряженной белым трехголовым слоном. Самвара везет тебя дальше, к Далай-ламе IV-му на самое небо. Или к любому из выбранных тобою Будд. Но большинство не преодолевает леса 108-ми искушений Майа.

– А откуда ты всё это узнала?

– Спросила у действующего Далай-ламы, то есть XIV-го, Его святейшества Тэнцзина Гьяцо, океана-учителя, лауреата Нобелевской премии мира, – невозмутимо ответила Агата.

«Она, конечно, сочиняет, – подумалось мне, – но в её выдумках есть какая-то загадка».

– Ты что виделась с ним? – спросил я.

– Как тебе сказать... На физическом уровне – нет. Он явился мне в виде черного журавля и принес духовное послание с объяснением, что делать. Потом, когда я преодолела лес 108-ми искушений Майа, он снова пришел ко мне и похвалил, сказав, что за последние 10-ть лет я единственная, кто смог это сделать. Мне, конечно, было лестно, но дальше я не пошла.

– Почему?

– Поняла, что вопрос, который я хочу задать Далай-ламе IV-му слишком мелок для него и, в общем-то, саму меня не слишком волнует. Мне просто интересно было побывать

в стране, которой не существует по общепринятому мнению – мифической Шамбале. Я думаю, что она находится на другом плане мироздания. По идее она может находиться и прямо здесь.

– Где?

– Вот здесь прямо, в этом дворе, – Агата указала на двор с песочницей, мимо которого мы проходили.

Мы шли вдоль ряда легковых автомобилей, тихих, спящих, с виду мертвых, но с взведенной сигнализацией. Автомобили казались очень холодными. Они ждали своих хозяев, которые с утра выйдут из девятиэтажек.

– Ты знаешь, – после короткого молчания сказал я, – я тоже живу в каком-то другом мире, не таком как все. Однажды в парке Гагарина я попал в очень странное место. Нет, внешне оно ничем не отличалось от всего остального леса, такие же сосны, кусты – снова отыскать его у меня не получилось бы. В том месте меня как бы всего перевернуло с ног на голову, и мир вдруг стал невероятно огромным и по времени, и по пространству.

– Ты тоже там был? А ты случайно дом не видел брошенный?

– Какой дом?

– Ну дом... с окнами заколоченными. Вроде как бывшая лыжная база или еще что.

– Нет.

– Видимо, дом здесь не причем. Значит, получается, что

ты тоже как бы живешь уже давно? Ты в каком веке родился?

– Точно не знаю. Но гораздо, гораздо раньше тебя. Ты даже не представляешь...

– До Рождества Христова?

– Еще раньше... мне сейчас около 100-та тысяч лет.

– Ого!

– Но это ведь только иллюзия... иллюзия духовного возраста. На самом деле мне 25, то есть уже двадцать шесть.

– Знаешь, что я думаю... что всё это – правда. У меня это произошло, когда я узнала, что Пашка умер, и чуть позже я взглянула на свою настоящую жизнь здесь и сейчас... по реальным меркам я только начала жить, но в сравнении с целыми веками, духовно ощущаемыми и явно присутствующими во мне и в окружающем мире, мне остался всего лишь один день. Сколько бы мне не было суждено еще прожить, 20 лет, 30, 40, 50 или 60-т – всё это будет теперь для меня одним длинным днем, днем 21-го века. А тебе, судя по твоему ощущению времени, и вовсе остался час. И что же нам делать в этот день и час?

– Послушай, а ведь ты права. Я так и чувствую всё это... Но если тебе остался день, это не значит, что он будет коротким и незаметным – он растянется на многие десятилетия – главное в этом ощущении то, что теперь все эти десятилетия ты не будешь спать. Проживешь их, как свой последний день. Как и я свой час.

– Нам по идее пора уже начинать писать мемуары, воспо-

минания о своей многовековой жизни.

– Да. Вот если б еще помнить всё хорошо.

– А ты не помнишь?

– Так, иногда какие-то отрывки всплывают.

– А я помню.

– Чем ты занималась в этот же день ну-у, скажем, 200-ти лет назад?

– 18-го апреля 1805 года... я занималась любовью... очень хорошо помню. Горели свечи, потрескивали дрова в камине, и мы...

– С кем? – я заулыбался.

– Со своим любовником в его родовом имении. Я тогда жила в Англии в графстве Сомерсет.

– И любовником твоим был граф?

– Да.

– А как его звали?

– Даймон. Только имя помню.

– А ты кем была?

– Проституткой, – со вздохом ответила Агата.

– Проституткой? И одновременно любовницей графа Даймона?

– Когда стала его любовницей, тогда перестала быть проституткой. Мне было 18-ть лет, и на мне висели одноглазая матушка и три малолетние племянницы. Мы жили очень бедно.

– А как ты стала проституткой?

– Пошла, да стала. Надо было где-то деньги брать. Образования у меня тогда не было.

– М-да... – протянул я. – А сейчас чем занимаешься?

– Нет, не проституцией, – со смешком сказала Агата, – сейчас работаю дизайнером. По рекламе. Закончила институт и работаю по специальности. Уже почти год как.

– Нравится?

– Конечно.

– А живешь где?

– Снимаю квартиру. Сейчас обойдем этот дом и станет виден мой дом и даже окна моей квартиры на 4-м этаже.

– А я дворником работаю, – не без печали сказал я.

– Я знаю. Но ты ведь собираешься закончить в конце концов свой институт? На кого ты кстати учишься?

– На инженера-радиоэлектронщика. Не уверен, что еще буду учиться.

– Так и будешь всю жизнь дворником работать?

– Почему бы и нет? Тем более остался всего-то один час. Возможно, раньше я уже был всем, кем только мог. Теперь осталось побыть дворником и осмыслить всё, что было.

– А денег тебе хватает?

– Хватает.

– И не хочется больше?

– А зачем?

– Ну соблазнов сейчас много.

– Когда-то, наверно, я был очень богат. У меня были мил-

лионы, особняки, экипажи, слуги, красивейшие женщины в любовницах, изысканные обеды, путешествия... Всё было. И какой смысл сейчас всё это повторять? Тем более главного в жизни всё это богатство мне так и не дало.

– Главного? А что в жизни главное?

– Не знаю. Наверное, не то, что можно купить за деньги.

– И, работая дворником, ты надеешься узнать, что в жизни главное? Так?

– Да. Наверное.

– Ты говоришь, что всё у тебя уже было. Но сейчас появилось много такого, чего не было раньше.

– Например?

– Шикарные спортивные автомобили, новые виды спорта и развлечений, электроника...

– Всё в принципе одно и то же. Я уже знаю, что могу почувствовать, приобретя дорогой спортивный автомобиль, катая на нем красивых, умных и интересных девушек. Или путешествуя в экзотические страны. Иногда, конечно, охота как, например, порой хочется купить в супермаркете королевский торт и пожрать его. Но это всё не те ощущения, которыми можно удовлетвориться в жизни в целом. Понимаешь, вот, допустим, я стал зарабатывать много денег, допустим, деньги для меня цель – и я, заработав их, купил много чего и потреббил, и вот пришла пора умирать: сижу я перед смертью и ясно вижу, что прожил жизнь впустую. Да, создал мощные движения туда-сюда, много чего вкусил, увидел, пе-

речувствовал... Но всё это – не то. Не то. Понимаешь? Всё это мелко, что ли. У меня, наверно, какие-то смутные высокие духовные запросы.

– А власть? Влияние? Сила и значение?

– Тоже было. Ненавижу власть, как в себе, так и в других.

Я ведь анархист. Вернее не ненавижу – ненависть это активное негативное чувство – просто не принимаю.

– Я поняла, в чем твоя проблема.

– По-моему, у меня нет больше проблем.

– Ну не проблема, а... несчастье.

– У меня... – я хотел сказать нет больше несчастья, споткнулся, задумался.

Агата не позволила мне договорить:

– Ты боишься быть злым. Агрессия – это неотъемлемая часть человека. Она нужна для сохранения себя целостным. Надо защищать себя, свое «я». В Гималаях, куда я духовно путешествовала, монахи, провожая меня к Священной роще 108-ми искушений Майя, хитро улыбались, глядя на меня, думая, что я, как и все прежние соискатели, неминуемо застряну в лесу. И у них были основания так полагать. Буддизм – самая пацифистская из религий. Соответственно, большинство желающих перейти священный лес, внутренне ориентированы на добро, то есть не принимают агрессии в любой форме. Они – начинающие или уже опытные буддисты, и все они за последние десять лет никто не прошел, застряли в лесу. А почему? Монахи, те, кто в свое вре-

мя прошел, знают почему. А я интуитивно открыла. Всем застрявшим не хватило агрессии, чтобы сопротивляться лианам, траве и веткам Священного леса 108-ми искушений Майа, опутывающим ноги и не дающим идти вперед. Во многих агрессии вообще не было. А я вступила в лес, вдохнула сырости и почувствовала, что что-то тут не чисто, вернулась, взяла мачете и снова вошла в чащу. Во мне было много злобы, много агрессии против этого леса, против всех чужих мыслей, мешающих мне идти вперед. Я рубила ветки, лианы, злость придавала мне силы. Движущаяся зелень не успевала опутывать меня, и я прошла через лес. Я совсем не походила на пацифистскую девушку. Пройдя через лес, я очистилась. Провожатые монахи заплодировали. Они не ожидали, что я пройду. Это был триумф, свет, прозрение, я больше не ненавидела, поскольку некого и незачем. Я поняла, что ненавидеть без дела не надо, всегда нужно ненавидеть по делу. Нужно возненавидеть свою слабость, лень, свои дурные привычки и вымести их, как сор из избы. Путь к Возвему Малой Алмазной Колесницы был открыт.

Между тем мы прошли вдоль торцевой стены новой из красного кирпича 15-тиэтажки. Этот дом состоял из двух крыльев, стоящих под прямым углом друг к другу. Внутренней частью угла он охватывал чистенький хорошо освещенный дворик с детской площадкой. У подъездов дремали автомобили. Мы остановились возле одного из подъездов с широким крыльцом у железной голубой двери с домофоном.

Агата продолжала увлеченно говорить.

– Мне надо было только подняться по тропинке на вершину горы к хижине. Но я не пошла. А знаешь почему? Потому что не вернулась бы. Я бы стала бодхисатвой, вынуждена была бы стать учителем в монастыре... то есть мирская жизнь потеряла бы для меня всякий интерес. А к тому времени я еще институт не закончила. А Возчий Большой Алмазной Колесницы – это более высокий уровень. К нему вообще мало кто попадает. Но я бы попала.

– Ты что буддистка? – спросил я, глядя в её возбужденные, ярко светящиеся зеленым светом глаза.

– Нет. Мне просто интересно было. И данные духовные движения легче всего обозначить буддийскими терминами. Надо же как-то обозвать то, что чувствуешь. Можно было бы и по-русски как-нибудь всё рассказать с примерами пустынных, схимников, скитников, столпников, святых старцев и... скопцов.

– Скопцов?

– Скопцов, – Агата, прямо и не прерываясь, смотрела в мои глаза. А я, чего-то смущаясь, отводил их.

– Скопцы, по-моему, лишнее.

– Ну лишнее, так лишнее, – согласилась Агата и трогательно улыбнулась. Я ответил ей тем же и промолвил:

– Это всё красиво. Но...

Мне захотелось всё рассказать этой девушке, всё самое важное для меня, из глубины, куда я сам редко заходил, по-

этому там всё до сих пор смутно и тревожно; не заходил и не пытался облечь в слова, наверное, из-за того, что некому было рассказать. Я хотел начать с самого начала, с того дня, вернее вечера, когда я, движимый праздным любопытством, пошел в маленький театр «Манекен» на прослушивание и встретил там Дашу... рассказать, как поразил меня её монолог из какого-то романа начала прошлого века, монолог о любви ко мне. Она играла, но мне казалось, что она признается в любви именно мне... не какому-то воображаемому герою, а мне настоящему.

Потом я покинул общежитие, переполненный ненавистью ко всем его обитателям, умным, энергичным, амбициозным и голодным. Я жил в полном одиночестве в съемной квартире и, как мне казалось, приближался к пониманию Бога.

Ничего не произошло в моей жизни за этот год внешне заметного, яркого, всё шло ровно и скучно. Однако внутри меня что-то происходило огромное: сначала я отделился от своей жизни, от жизни человеческой вообще, округлился в самом себе и вот так, голый и одинокий, вновь подошел к ней, пытаясь понять, что она такое и как мне дальше в ней жить. Во сне я понял, что люблю Дашу, и... мне показалось, что между мной и Дашей существует какая-то мистическая связь. Я испугался за Дашу, посчитав, что все мои несчастья, все мои сомнения и тревоги, с которыми плодотворно продолжать жить, в общем-то, невозможно, перейдут к ней.

Я днями и ночами думал о себе, о своей жизни, искал,

за что можно зацепиться в этом мире, где нет больше твердых ориентиров и, как выясняется, никогда и не было. А были лишь иллюзии, избавляющие большинство людей от страха и позволяющие меньшинству иметь власть, деньги, силу, свободу в осуществлении желаемого. Я понял, что я не верю, не верю вообще ничему вовне, и всё, что я делаю, на что уходят мои силы – это пытаюсь не потерять остатков той единственной веры, что у меня еще осталась – веры собственным глазам, ушам и способности составлять суждения.

Я хотел рассказать, что до первого снега был по сути несчастен и очень тяжело переносил это. Потом выпал снег...

Любовь сильное чувство, но оно не абсолютно, оно ничего не решает и часто слишком быстро заканчивается; и если уж на то пошло – вторых половинок ни у кого нет – мы просто случайно знакомимся с разными людьми и влюбляемся по внутренней своей потребности в более-менее нам симпатичных и подходящих. Не будь Даши, на её месте был бы кто-нибудь другой. Все это не уменьшает силы воздействия этого чувства на человека. Любовь способна побудить, подтолкнуть к подвигу, затуманить разум, сделать счастливым или несчастным – это просто сильное чувство, а ни какая не идея. Из любви невозможно получить никаких философских выводов.

Вера по природе своей – то же, что и любовь.

Я много еще чего хотел сказать Агате, уверенный, что она

всё поймет, а если чего-то и не поймет, то спросит. Я хотел сказать о своем самолюбии, о самооценке, о том, что порою мучаюсь мыслями о собственной неполноценности, что мешает мне нормально общаться с людьми; что даже сейчас я тем больше робею перед ней, чем больше она мне нравится. Хотел сказать о деньгах: что когда я один, они мне совсем не нужны, но как только появляется общение с людьми, то мне становится понятно, что я беден, как церковная крыса.

Я много чего мог наговорить в эту ночь Агате, стоя у подъезда, но надо было уже говорить. Агата ждала, она надеялась, что мне удастся подобрать верные слова.

– Это всё красиво, – начал я, – но... ненавидеть или не ненавидеть для меня не имеет решающего значения, по крайней мере, до тех пор, пока я не решил, куда мне идти. Если я способен различить внутри себя что лучше, а что хуже, то естественным образом я увижу, что мне мешает, от чего нужно избавиться. Вот тут-то здоровая агрессия и поможет. Но с другой стороны необходимость в ней не будет так уж и велика – двигаясь к лучшему по внутренней своей лестнице, я буду заботиться только о следующей ступени, верхней, иногда оглядываясь назад. Главное – это различать, куда двигаться. Я могу полагаться только на интуицию. Я бы хотел найти эту гипотетическую лестницу внутри себя и примерно представить, куда она ведет. И главное не смотреть на общую социальную лестницу. Эта вавилонская лестница замусорена и уродлива, ясно, куда она ведёт, и мне совсем

туда не хочется. У меня, наверно, свой путь. Я просто ещё не знаю, куда мне идти.

И я замолчал.

Агата слушала меня, слегка приоткрыв рот и широко распахнув глаза. Её лицо выражало примерно следующее: «Что это за чудо передо мной стоит?» Она набрала в легкие воздуха, собираясь что-то ответить, но вдруг, вся преобразившись, изобразила из себя нечто странное и непонятным образом взволновавшее меня. Она привстала на цыпочках, подняла вверх и развела чуть в стороны руки, согнула вниз кисти, расставила ноги, вытянула стан, неестественно наклонила голову, скосив в бок нижнюю челюсть, выпучила глаза и закачалась из стороны в сторону всем корпусом, переступая на негнущихся ногах. Это был какой-то странный деревянный пиннокио-эпилептик или какая-то кукла на шесте, раскачиваемая из стороны в сторону на ярмарке. Глаза её остекленели. Размахивая руками палками, это существо делало вид, что идет ко мне, и оставалось на месте. Я остолбенел, не зная, что и подумать. Все мысли разом из головы исчезли.

Агата опустила руки, выровнялась и пришла в свое нормальное состояние; озорно улыбаясь, она любовалась произведенным эффектом. Всё это она проделала специально – но это невероятно, и как она до такого додумалась? Это был ответ на мою тираду, возможно, издевательский, выраженный при помощи самодельной странной пантомимы.

– Что... это? – промямлил я, бессмысленно улыбаясь.

– Пойдем, – сказала Агата, взяла меня за руку и повела к двери подъезда. Я, деморализованный, поплелся за ней, как бычок на веревочке.

«Ты приглашаешь меня в гости?» – нечто подобное этому бормотал я.

Мы поднялись на лифте на четвертый этаж. В лифте, слабо освещенном лампочкой, Агата, улыбаясь, смотрела на меня и ничего не говорила.

Мы вошли в квартиру. Агата включила в прихожей свет, не отводя от меня улыбающихся глаз, сняла свой тонкий дубленый жакет, наклонилась и принялась расшнуровывать гриндерсы (мощные черные ботинки). Я снял курточку и повесил на вешалку.

Прихожая была отделана светлым деревом. Два светильника в плафонах в виде лилий по бокам овального зеркала всё мягко освещали. Уже здесь я почувствовал тонкую атмосферу этого жилища, еле уловимый запах – свежесть с добавлением запаха вишневых косточек. Мне он понравился – это был запах Агаты.

IV

Мы прошли в комнату, Агата включила бра на стене возле дивана и маленькую настольную лампу розового абажура, стоящую на полу. Комната была одна, зато большая. За широким окном, задернутым плотными цвета металлик шторами находился балкон. Еще имелись кухня, тоже достаточно обширная, и ванная, вся отделанная черным кафелем. Сама ванна была розовая.

Меня поразил интерьер квартиры. По сравнению с моей убогой лачугой здесь всё было просто шикарно, точнее, элегантно, красиво, современно. Мебель, по-видимому, была куплена недавно – от неё исходил еще тонкий запах магазина: большой угловой диван, раскладывающийся в двуспальную кровать, кресло в одном наборе с диваном, журнальный столик прямоугольной формы, компьютерный стол с компьютером, софа, небольшой сервант с зеркалами и подсветкой, пара стульев – всё выглядело безупречно. Еще имелся шкаф-купе, предназначенный под гардероб. Телевизора не было и музыкального центра тоже – всё это заменял Агате компьютер с большим монитором и пятью разнокалиберными колонками. Агата подошла к компьютеру, произвела мышкой какие-то манипуляции, экран монитора замерцал, и откуда-то отовсюду полилась приятная музыка не известной мне готической группы. В музыке улавливались индий-

ские мотивы. На полу лежал мягкий светло-коричневый с зелеными и синими геометрическими фигурами ковер. Узор ковра был выполнен на мотивы Кандинского.

Половина журнального столика была заставлена различными большими и маленькими, причудливо отекшими и только начатыми свечами. Они стояли плотно, некоторые – в подсвечниках или чашечках, другие – прямо на столе, покрытом застывшими потоками воска и парафина. Рядом с этим фантастическим лесом свечей стояла черная чашка с остатками кофе, лежали три белых кубика игральные кости и зажигалка. Рядом с зажигалкой топорщилась фольгой обертка от шоколада.

Агата взяла зажигалку и принялась воспламенять свечи одну за другой. Свечи, загораясь, прибавляли в освещение лица девушки всё больше теплоты и золота, глаза её начинали причудливо играть золотисто-зеленым – вся комната превратилась в храм, жрицей в котором была Агата, а божеством... большой черный с белым пушком на груди кот по имени Секс.

Секс не встретил у порога хозяйку, поскольку сидел закрытым в ванной. Мне еще в прихожей послышалось какое-то подозрительное бурчание из ванной. Так, утробно мяукая (по словам Агаты Секс вообще старался никогда не мяукать, плохо умел это делать, зато мурлыкал громко, как трактор), Секс требовал отпереть его. Зачем Агата закрыла

кота в ванной, я так толком и не понял. По её словам выходило, что кот сам не захотел оттуда выходить, поэтому она его там и закрыла, оставив ему лоток с песком и немного китикет. Излюбленным местом кота во всей квартире было кресло в первую очередь и ванная во вторую, точнее – сама ванна, в которую Секс забирался и требовал, чтоб из крана пустили струйку воды. Странной причудой этого кота была любовь сидеть в ванне и смотреть на струйку воды, падающую из крана. А кресло было его законным местом. Никто, включая и Агату, не смел его занимать. Еще кот любил располагаться на компьютерном столе возле мышки, когда Агата садилась за компьютер. Это был короткошерстный большой и важный, абсолютно черный, за исключением белого пушка на груди, зеленоглазый кот, отличающийся сложным независимым поведением. Когда он обижался на хозяйку за что-то, он не приходил к ней спать на диван.

К гостям Агаты он подходил избирательно: одних ненавидел, других любил, к третьим относился равнодушно, как к шкафу. К некоторым парням он ревновал Агату и не давал им заниматься любовью, с рычанием вспрыгивая на диван и впиваясь когтями в ягодицы парня, к другим абсолютно не ревновал. Критерии, по которым Секс испытывал свои симпатии или антипатии к разным людям, Агата так и не смогла определить.

Когда Секс вышел из ванной, он сначала, не обратив на меня абсолютно никакого внимания, потерся о ноги Ага-

ты, громко мурлыча, и ходя сложными кругами, потом прыгнул на кресло и стал не мигая созерцать огоньки свечей. Мне даже показалось обидным, что он полностью проигнорировал меня.

Агата принесла из кухни полбутылки коньяка, две пузатых рюмки, ложечки и половину торта на пластиковой подложке. Сверху белого крема лежали зеленые пластинки киви и оранжевые дольки мандаринов.

– А может, ты есть хочешь? – спросила Агата, разливая по рюмкам коньяк.

– Нет. А ты? – ответил я.

– Я торт хочу.

С этими словами Агата взяла ложечку и принялась за торт. Я сделал то же самое. Крем у торта был легкий, воздушный и таял во рту. После торта коньяк показался необычайно терпким. Мы сидели в углу дивана. Столик нам пришлось придвинуть так, чтобы было удобно. От горящих свечей исходили мягкий свет и тепло.

Вскоре мне стало жарковато, и я попросил у Агаты разрешения снять кофту. «Да снимай хоть всё», – сказала Агата. Я снял джемпер и положил его рядом на диван. Под джемпером у меня была простая хлопчатобумажная полинявшая футболка. Агата сняла свою черную кофточку с серебристым черепом и костями на животе и осталась в зелёной маечке на тонких бретелях. Плечи её и руки, гладкие и бархатистые, засияли в свете свечей телесно-золотистым светом. Сталь-

ные ромбики на черном ошейнике тускло мерцали. Груды Агаты под маечкой свободно дышали и слегка колыхались, когда она делала круговое движение корпусом. Она была без бюстгальтера. На глаз я определил примерный размер и форму её груди – то, что можно было разглядеть сквозь атласную ткань маечки – не слишком большие, но и не маленькие груди её слегка расходились в стороны и немного клонились вниз под собственной тяжестью. Пуговицы сосков выделялись сквозь ткань. Мне захотелось потрогать волосы Агаты – сильно меня удивляла её беспорядочная прическа, похожая на воронье гнездо.

– У тебя прическа такая странная. Можно потрогать? – попросил я.

– Потрогай, – с улыбкой сказала Агата и наклонила ко мне голову. Ошейник на её шее еле слышно скрипнул. Даже оставшись в одной маечке на голое тело Агата, благодаря этому ошейнику, не выглядела раздетой. Между нижним краем маечки и поясом кожаных брюк оставался небольшой промежуток. Я понял, что кожа её брюк очень мягкая и качественная, она удобно натягивалась, облекая бедра Агаты.

Я протянул руку. Вопреки всем ожиданиям, волосы не оказались жесткими – они были мягкими, гладкими и слегка упругими.

– Я думал, они... лаком закреплены.

– Это мусс такой, специальный, укладочный, – пояснила Агата и в свою очередь прикоснулась к моей голове; слегка

поводила пальчиками по коротким волосам и вынесла вердикт:

– Прикольно.

Внезапно я почувствовал сильный прилив блаженства во всем теле. Видимо, коньяк догнал меня. Глаза мои на секунду осоловели, но я взял их под контроль, поскольку Агата была трезвее меня и хотела еще о чем-то побеседовать. Она тоже чувствовала себя очень хорошо, ощущала счастье бытия всем телом, но глаза её оставались ясными, хотя и смеялись беспрестанно.

– ... Это у меня началось еще в детстве, но тогда я не понимала, что это такое, – продолжала рассказывать Агата, – а впервые отчетливо ощутила это в 13 лет. Знаешь, что такое синдром Кассандры? Мне кажется, я с ним родилась. Во всяком случае, в тот момент, когда пришло осознание своего «я», это в три года, синдром Кассандры у меня уже был. А в 15 лет я поняла, что не такая, как все, и узнала, как это называется. Синдром Кассандры – это когда предвидишь будущее, но ничего не можешь с этим поделать. Во-первых, сама сомневаешься: а вдруг это всего лишь фантазии? Во-вторых, другие все равно тебе не поверят – предвидение будущего никому не нужно, ведь его все равно не удастся изменить.

Я крутил в руках бокал с коньяком и смотрел сквозь него на огоньки свечей.

– Мне кажется, что всё дело в особой развитости созна-

ния таких людей, как я, – продолжала рассказывать Агата. – К примеру, вот ты можешь сейчас сказать, что произойдет через час? Да? Приблизительно можешь. Каждый человек это может. Но на каком основании ты решаешь, что через час произойдет именно это, а не что-то другое? Работает твое сознание, узкое, дневное – оно опирается на твой, так сказать, оперативный опыт, отчасти на интуицию. Касательно меня, ты точно знаешь, что произойдет со мной через час, через 10-ть часов... Не вдаваясь в детали, ты спокойно можешь сказать, чем я буду заниматься ближайшие несколько дней. Если бы ты, как я, мыслил глубже, ты бы не смог избежать некоторых вещей во мне, в моем поведении и образе мыслей, которые заставили бы тебя увидеть мое будущее с большей точностью. Это и есть предвидение и, если облечь в слова, то предсказание. Понимаешь о чем я?

Я сделал глоток коньяка и спросил:

– А о моем будущем ты можешь что-нибудь сказать?

– Да, могу. Всё у тебя будет отлично, – Агата улыбнулась.

– Спасибо, – сказал я.

– Схожу в ванную, – сказала она, встала и вышла из комнаты.

Я отковырнул кусочек торта. Музыка из пяти колонок компьютера вводила меня в легкий транс. Я немного покачивался на диване из стороны в сторону и медленно вращал головой. Свечные огоньки синхронно колебались. В кресле полуразвернутом в нашу сторону мирно дремал кот Секс. Чер-

ная шерсть его поблескивала. Кот, растянувшийся во всю длину и заполнивший телом все кресло, казался просто-таки огромным. «Феноменальный кот», – подумалось мне.

Я вылез из-за столика и подошел к серванту. В его нише находилось множество предметов, самыми крупными из которых были книги, составленные в глубине у стеночки – корешок к корешку. Книги стояли справа, а слева находились стопки дисков для компьютера в футлярах. Другие диски без футляров просто лежали один на другом. На переднем плане находились различные мелочи: маленький термометр на пластмассовой подставке, какие-то конверты, пузырёк с духами, ножницы, зеленый квадратный будильник, ручки, карандаши, блокнотики, городской атлас, канцелярский клей, скрепки. Между книгами и стопками дисков в футлярах находилась подставка для письменных принадлежностей – в ней было несколько ручек и линейка. У самого края ниши лежала какая-то черная книга в твердом переплете. Видимо, Агата её недавно читала и положила сюда. Я взял книгу и прочел на обложке: «Монахи Я. Шпренгер. Г. Инститорис. Молот ведьм».

Буквы готического шрифта были выдавлены серебром. То же было выдавлено на корешке, только шрифтом поменьше. Больше снаружи книги ничего не имелось.

Музыка из компьютера плыла ровно и спокойно – мотив монотонно перетекал из одной своей части в другую. Нечто подобное этой музыке я уже слышал – пела женщина прият-

ным высоким голосом, но здесь язык явно был французским.

Я открыл содержание книги и принялся читать:

Часть первая. О трех силах, составляющих колдовство, а именно: о дьяволе, о колдуне и о божьем попущении.

Часть вторая. Молот ведьм трактует о способах околдования и о том, как таковое можно снять.

Чтение мое прервали некоторые изменения, произошедшие с музыкой, которые меня отвлекли. Приятный голос женщины вдруг стал изменяться, замедляться, тянуть, плавать, грубеть и превращаться в мужской. Стройные гармонические переливы звуков преобразовались в какое-то тягучее утробное завывание – так, как если бы на обычном проигрывателе кто-то пальцем начал придерживать пластинку. Я положил книгу на место и подошел к компьютеру.

Как только я тронул мышку, темнота с экрана с плавающими в ней объемными цифрами, показывающими время, уступила место рабочему столу с обоями в виде кровавого морского заката или рассвета. Тут же музыка заиграла снова нормально. Я уселся на стул и открыл winamp. Winamp был новой, третьей версии, русифицированный с красивым интерфейсом нежно-фиолетового цвета. Я стал просматривать папки с музыкой. Здесь было очень много музыки и в основном иностранной. Я читал названия групп и ни одной не узнавал. Периодически в случайном порядке я включал какую-нибудь из композиций – часто попадались гитарные рифы, тяжелые размеренные ударные и глубокие, иногда ры-

чашие, голоса вокалистов. Но вот я нашел сборник альбомов известной мне группы «Dead Can Dance» – «Мертвые могут танцевать» в переводе. Здесь же были сольные проекты вокалистки группы – Лайзы Джерард. Я включил песню Yiulunga и заслушался. Эта песня наилучшим образом подходила атмосфере квартиры Агаты, хотя никаких особенностей в интерьере этого не предполагало. Обычная светлая квартира – ничего хтонического в ней не наблюдалось. Но сам дух этого жилища, невидимый, как нельзя лучше соответствовал духу песни Yiulunga. Наверное, если б здесь жила не Агата со своим котом Сексом, а кто-нибудь другой, то и дух здесь был бы другой – к примеру, соответствующий песням замечательной отечественной певицы и актрисы Жанны Фриске. Я слегка покачивался на вращающемся стуле в такт музыке. Тут из ванной вышла преображенная Агата и подошла к компьютеру.

– У меня винамп этот почему-то тормозит, когда заставка включается, – сказала она, взяла мышку и стала открывать какие-то папки одну за другой.

Теперь на Агате был мягкий до середины голеней халат бирюзового цвета; воронье гнездо с головы исчезло – влажные, постриженные неровными клоками, волосы лежали смирно по обеим сторонам головы. А раньше они дыбились, создавая воронье гнездо. Однако кожаный со стальными ромбиками ошейник все еще находился на шее Агаты. Всю косметику с лица Агата смыла. Я увидел совершенно

новое её лицо – нежное, совсем не агрессивное, чистое и красивое. Трогательные мягкие влажные реснички обрамляли её зеленые глаза. Розовые губы слегка улыбались.

– Тоже любишь Дэд Кан Дэнс? – спросила Агата и широко улыбнулась. Я заметил, что два передних её верхних зуба чуточку длиннее остальных – белоснежные, они трогательно выглянули из-под верхней губы. – А мне в последнее время нравится ориентальная музыка.

– Это какая?

– Восточная. Наташа Атлас, например. Щас поставлю... Где же она...

Yiulunga доиграла.

– Наташа на этом винампе не идет. Я вообще, обычно, пользуюсь икс-пишным проигрывателем.

Агата открыла большой универсальный проигрыватель, на котором можно было, как слушать музыку, так и смотреть видеофильмы.

– Так... – Агата присела на краешек стула, подвинув меня. От неё запахло ромашковым шампунем. Она произвела какие-то манипуляции с файлами, находящимися в библиотеке проигрывателя, и вдруг случайно запустила какой-то фильм с середины, который, очевидно, просматривался в этом проигрывателе последним. Во весь экран открылся следующий непонятный кадр телесного цвета.

– Ой... это не то, – Агата сразу же его закрыла.

А до моего мозга только секунду спустя дошло, то, что я

увидел: раскинутые бедра женщины, приподнятые и уходящие в стороны за экран, лобок, покрытый гребешком мягких волос, крупные розовые половые губы, обрамленные мокрой порослью, между ними, вверху, набухший клитор, наминающий розовый пальчик под тонкой кожицей, и толстый смуглый, похожий на ствол член, ритмично входящий и выходящий из влагалища. Ствол члена блестел от смазки. На нем были видны выделяющиеся вены. Влагалище обнимало член эластичной розовой манжеткой и слегка подрагивало.

На какую-то долю секунды Агата случайно открыла кадр порнофильма, тут же его спрятала, ужаснувшись, но я всё увидел, не увидеть было невозможно. И Агата, конечно же, поняла, что я увидел, но не подала виду... она уже ставила свою Наташу Атлас.

Мельком увиденный кадр взволновал меня. Для меня не стало шоком, что у такой девушки, как Агата, в компьютере имеются порнофильмы и что, может быть, она даже иногда их смотрит. Но меня поразило то, что в этот момент вдруг всё в Агате соединилось: её тонкая и сложная психическая организация, синдром Кассандры, её внешняя необыкновенная красота, сквозь которую просвечивает превосходящая её сексуальность; ум, душа, любовь к вампиру в прошлом, грусть, одиночество по поводу своей уникальности, хрупкость и сила и, ко всему этому, любовь к сексу, к порнофильмам и просто любовь. Фраза «любовь к сексу» искажа-

ет подлинное состояние вещей – это не было любовью к чему-то внешнему – секс, разный, порнографический и нежный, и секс, переходящий в любовь, как и наоборот – всё это находилось в Агате – это большой мир, в котором разум затемнялся, а на первое место выходило мощное, властное нечто, возможно, подводная часть её души или, лучше, психики, поскольку сексуальное очень хорошо описывают психологи, соотнося его с сакральным.

Щеки у Агаты слегка порозовели. Она встала и, пританцовывая под восточные ритмы Наташи Атлас, перешла на диван к столику и разлила коньяк по бокалам. Я тоже перешел на диван. Мы сели на свои места, но как-то по-новому. Агата, подогнув одну ногу под себя, практически полностью повернулась ко мне. Мы подолгу смотрели в глаза друг другу. Я преодолел какой-то внутренний барьер, больше не смущался и не отводил глаз. Глазами я отдавался Агате и овладевал ею – мы очутились в общем ментальном поле и, обнаружив взаимную комплиментарность, словно бы танцевали или же вели какую-то игру, в которой были соперниками примерно равных сил. Между нами начался тайный бессловесный диалог. Смысл звучащих фраз больше не имел значения. Мы шаг за шагом куда-то уходили от мира, быть может, вглубь, туда, где, как уже обозначено, разум затемняется, теряет свою силу и контроль. Агата вела меня туда, ласково и лукаво приглашая. Глаза её смеялись. Мы поговорили о какой-то ерунде, потом она подняла бокал и произнесла

тост, то есть поздравила нас обоих с Днем рождения. После того, как мы выпили, она спросила:

– А ты веришь в гадания?

– Нет, – ответил я, – после четырех куров технического факультета начинаешь по-другому воспринимать всё это. Это все – теория вероятностей. А ты?

– Нет. Я верю не в гадания, а в гадалок. Если они настоящие. Если гадалка обладает даром, то она может на чем угодно погадать. Хоть на спичках.

– А я могу по узорам на подушечках пальцев определить психический тип человека.

Агата тут же протянула мне руку, я взял её и развернул ладонью вверх. Рука у неё была изящная и легкая, приятная на ощупь. Я уже примерно знал, что у неё будет на кончиках пальцев. Развернув подушечки пальцев к свету, я изучил каждый пальчик и изумился: у неё было семь завитков и три петли – узоры были четкие и однозначные.

– Ого! Да ты гений! У тебя семь завитков, – сказал я.

– А что это значит? – Агата приятно взбудоражилась.

Я объяснил ей, что папиллярные узоры на пальцах подразделяются на три типа: завитки, петли и дуги. Завитки соответствуют сложной организации интеллекта – чем их больше, тем неоднозначнее человек видит мир, он предрасположен к научной или творческой деятельности. У Эйнштейна было то ли семь, то ли восемь завитков. Завитки это самый сложный из трех возможных узоров – папиллярные линии

образуют замкнутые кольца или спирали.

Преобладанием петель (линии образуют петли, но не замыкаются) обладает большинство населения земли – это среднестатистический, устойчивый тип. Может быть успешен в различных областях человеческой деятельности. Динамичен, коммуникабелен, из него получаются хорошие чиновники и коммерсанты. В общем, нормальный тип. Если у него есть два или три завитка в дополнение, то это вообще хорошо – он обладает креативными способностями.

Третий тип – дуги – самый простой и прямолинейный. Он так же прост, как и рисунок на подушечках его пальцев – простые дугообразные линии. Эти люди бесхитростны, сильны и, может показаться, примитивны. Из них получаются люди простого физического труда. А в спорте это представители тех видов, в основном силовых, где высокая координация не нужна.

У Агаты было семь завитков и три петли, почти как у Эйнштейна. Я знал, что связался с высокоинтеллектуальным существом или художественной натурой, но не предполагал, что настолько. Передо мной сидел редкий индивид, не сказать, что уж прямо вымирающий, но завитки в жизни встречаются гораздо реже, чем петли. Я сам проверял, когда еще жил в общежитии. Часто встречались носители двух-трех завитков в дополнение к остальным петлям, но чтобы семь – такое мне попадалось только один раз. У самого меня – два завитка, это на больших пальцах рук, и восемь петель. Зато у меня

частота линий высокая, что тоже немаловажно.

Всё вышеописанное я почерпнул из какого-то научно-популярного журнала.

Я не выпустил руки Агаты из своей. Нежно поглаживая, стал рассматривать её линии и бугорки. Бугор большого пальца у неё весь был испещрен черточками. Агата, выпустив ногу из-под себя, придвинулась ко мне вплотную. Полы халатика её распахнулись, и стали видны голые белые коленки. Я отодвинул рукав и посмотрел на предплечье, у неё было тонкое красивое запястье с круглой косточкой. Я провел по внешней стороне предплечья ладонью – шелковые волоски на нем встали дыбом.

Агата с интересом наблюдала за тем, что я делаю. Молчаливо она разрешала мне исследовать свою руку. Это могло бы продолжаться вечно, мы вплотную приблизились друг к другу, оставалась последняя черта, и мы ждали, кто же первым её переступит. Очевидно, что сделать это должен был я. Но, честное слово, поглаживая её руку, лаская предплечье, я не знал, что будет дальше. Я просто не думал об этом. Все свои действия я не обозначал, как эротическую ласку, однако всё это нас возбуждало. Я провел рукой по спине Агаты, по скользкому материалу халатика. Агата качнулась ко мне, будто невзначай ткнулась носом в шею и потом легко, очень нежно почти неуловимо поцеловала меня в щеку. Она просто прикоснулась губами к щеке, и я почувствовал её теплое дыхание. После этого прикосновения мне ста-

ло ясно, что никакого барьера между нами давно уже нет, а медлим мы оттого, что в блаженстве этого вечера позабыли обо всех сценариях, которые обычно разворачиваются между парнем и девушкой в подобных ситуациях.

Я посмотрел в глаза Агаты – вблизи они казались просто огромными, чистыми, теплыми, изумрудными; посмотрел на её губы, розовые, полураскрытые – они тоже казались большими. И вдруг Агата вполголоса спросила:

– Ради чего ты живешь?

Я хотел что-то ответить, но вместо этого прикоснулся своими губами к её губам. Воздух между нашими лицами смешался и стал горячим. Я положил руку на её маленькое круглое белое колено и снова приблизил свои губы к её губам. Мне уже было очень трудно сдерживать себя, но это, очевидно, и не нужно было. Важно было не перепрыгивать через этапы, а в каждую минуту отдаваться тому, для чего предназначена эта минута.

Агата с мягким щелчком расстегнула ошейник, сняла его и отбросила в сторону. Произошло какое-то волшебство. Без ошейника Агата предстала передо мной не просто обнаженной, а обнаженной в 4-й степени. Она стала беззащитной и вручала себя слабую, открытую мне.

Я осторожно прикоснулся губами к её шее, потом еще раз... Агата повалилась на диван, увлекая меня за собой.

Ритмично двигаясь, я вдыхал её выдохи и отдавал свои, смешанные с её собственными. Она постанывала.

В какой-то момент я повернул голову и посмотрел туда, куда мы отодвинули столик со свечами, чтобы в порыве страсти случайно не опрокинуть его и не наделать пожара. Я увидел колыхающиеся огни, и тут затуманенный мой взор уловил нечто странное и, по всей видимости, разумное, сидящее рядом с нами у дивана. Взгляд прояснился, близко от нас сидел большой черный с белым пушком на груди кот Секс. Он внимательно смотрел на нас, наблюдая, что мы делаем, абсолютно спокойный и доброжелательный.

Он, видимо, давно уже нас созерцал, соскочил с кресла, заслышав подозрительное копошение на диване, уселся рядом и стал смотреть. Глубокая мудрость читалась в его больших с расширившимися зрачками глазах. Что он интересно о нас думал? Он догадывался, чем мы занимаемся? Кот теперь глядел в мои глаза всё такой же спокойный и внимательный. Ни тени стеснения не проскочило в его бессовестных кошачьих глазах. А может, он следил, чтоб я не причинил его хозяйке вреда? Но хозяйка уже давно стонала подо мной – любое животное подумало бы, что её обижают. Но Секс... все-таки удивительный кот.

Я отвернулся и продолжил заниматься своим делом. Вернее, я и не прекращал его, когда смотрел на кота. Этот кот... Хоть бы улыбнулся что ли... Но и то хорошо, что он не вспрыгнул на меня и не вцепился в мои ягоды. Видимо, он все-таки одобрял то, что я делаю с его хозяйкой.

Когда мы закончили и просто лежали в обнимку, разо-

млевшие в томной расслабленной неге, Агата сказала:

– Ты мой подарок на день рождения.

Я ответил:

– А ты мой.

V

Мне было легко с Агатой. Легко, прозрачно, воздушно. Она не требовала от меня будущего. Наша любовь была здесь и сейчас. Мы никогда не планировали, что с нами будет завтра, через месяц, через год... Я ощущал себя человеком, у которого нет завтрашнего дня, нет даже сегодняшнего. Агата, наверное, это тоже любила во мне наряду со всем остальным.

Я любил в ней её глаза, губы, плечи, грудь, живот, бедра, колени, щиколотки, ступни... Мое несчастье рядом с ней превращалось в фикцию. Я любил её ум, душу, в которой не было таких категорий, как счастье и несчастье. Я понял, что Агата совсем не боится смерти. Всё рядом с ней становилось каким-то другим, уникальным, ни на что не похожим, освобожденным от всего на свете. Все слова: любовь, дружба, половые отношения, брак – в применении к Агате становились формальными и недостаточными. Неудобно как-то было в присутствии Агаты всерьез называть любовь любовью, дружбу – дружбой, половые отношения – половыми отношениями, брак – браком. Делалось очевидным, что, например, менеджер среднего звена, делающий карьеру, имеющий дом, семью, машину, друзей, любовницу, хобби и серьезно относящийся ко всему этому и не стесняющийся называть всё это своими именами, живет во лжи.

Агата никогда не забывала, что все, абсолютно все употребляемые нами слова, обозначающие те или иные явления жизни, есть только таблички с символами. Для Агаты таким способом обозначаемые явления не оставались статичными и раз и навсегда определёнными. Простой таблички со словом любовь было недостаточно, чтобы обозначить любовь Агаты – для неё это явление было многообразно и до конца не определено; иногда оно уплывало в такие области, в каких и вовсе переставало быть похожим на любовь, такую, как мы её понимаем. Но это всё же была любовь, просто она требовала другого обозначения. То же почти со всеми остальными словами. Агата воспринимала мир вне слов – сначала она видела, например, яблоко, как-то его воспринимала, какой-то не обозначаемой совокупностью зрительных, тактильных, обонятельных и вкусовых ощущений, а потом уже, вероятно, говорила про себя – вот этот феномен в мире называется почему-то яблоком. И дальше, если у неё было настроение, рассуждала: слово яблоко используется людьми во многих словосочетаниях, предложениях и словесных умозаключениях. И действительно иногда хочется поверить, будто то, что я воспринимаю и чувствую, обозначаемое яблоком, имеет какое-то отношение ко всему, что о нём говорится. Любовь гораздо обширнее, сложнее, глубже яблока. И о любви составлено в десятки тысяч раз больше предложений, словосочетаний и словесных умозаключений, чем о яблоке.

Мы часто встречались с Агатой, занимались любовью, гуляли по городу. Обычно я приезжал к ней в квартиру. Раз за два или три она появлялась у меня. И всегда мы были только вдвоем – встретившись, мы не искали других людей, компаний, нам это просто было не нужно. Мою потребность в других людях Агата удовлетворяла полностью. И мы особенно-то не вглядывались друг в друга. Мы смотрели на мир и делились впечатлениями. Иногда мы просто обсуждали всё вокруг. Мне казалось, что между нами – идеальные отношения, и в такие моменты я пугался, обнаруживая, что ничего не вижу впереди, никакого развития отношений, углубления, никаких знакомств с родителями, братьями и сестрами, никакого экспериментального совместного проживания, никаких ожиданий, признаний, предложений и обсуждения даты свадьбы... никаких праздников и милых подарочков на день Святого Валентина, 23 февраля и 8-мое марта... ничего – сплошная темнота. Сегодняшний день, каждая настоящая минута, проведенная с ней, приобретали особую ценность.

Однажды Агата предложила съездить на Градское кладбище. Она захотела показать мне могилу, любимую всеми её друзьями по «Апатии», – могилу, как они её называли, вечной невесты. Ожидалась ночь полнолуния, и Агата предложила в эту ночь побывать там. Взбрело это ей в голову часов в девять вечера. «Сегодня же полнолуние! – почти воскликнула она, – поехали на Градское?»

«Зачем?» – спросил я.

«Так просто», – ответила она.

Мы думали, что встретим на Градском Леонардо, Альмиру еще кого-нибудь, ведь они каждое полнолуние совершали паломничество к могиле Вечной невесты. Однако никого там не оказалось. Возможно, мы ошиблись, и полнолуние будет только на завтрашнюю ночь.

Приехали мы на кладбище часов в 12-ть ночи на такси. Таксист, подозрительный дядька с усами, довез нас до остановки возле парка, а дальше мы пошли пешком. На Агате был особенный наряд: гриндерсы, сетчатые колготы, черные латексные шорты в обтяжку, черный латексный лифчик, сетчатый топ, ошейник на шее, а поверх всего этого – длинный иссиня-черный бархатный с бордовой подкладкой плащ с капюшоном. Агата купила хризантему, собираясь возложить её на могилу Вечной невесты, и бережно несла её под плащом.

В эту ночь с Агатой на кладбище возле могилы Вечной невесты, освещенной почти полной луной, я пережил одни из самых счастливых моментов моей жизни. И совершенно особенные, не похожие ни на какие другие.

Ночное кладбище было спокойно, вокруг стояла тишина. Рядом со мной шла любимая девушка, уму и душе которой я полностью доверял; воображение мое не дергалось, я постепенно, пассивно очаровывался атмосферой отсутствия жизни: нет никакой суеты, яркого света, резких звуков; мы мед-

ленно идем по дорожке, переходя из тени в голубой свет луны, и вдыхаем прохладный хвойный весенний ночной воздух. Захоронение Вечной невесты представляло собой пирамидальный постамент из серого мрамора, огороженный чугунной решеткой. На верхушке постамента находилась маленькая бронзовая фигурка девушки в подвенечном платье, скрестившей на груди руки. У подножия постамента на плите лежали несколько увядших цветочных букетиков. Агата со скрипом отворила калитку в чугунной оградке, вошла и положила сверху букетиков яркую свежую белую хризантему. Рядом с могилой имелась деревянная скамейка, мы уселись на неё и закурили.

– А почему её называют вечной невестой? – спросил я, стряхивая пепел за оградку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.